

© 2007 г. М. ГИРО-ВЕБЕР

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ФУНКЦИИ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЕЩЕ ГОВОРИТЬ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ «Им. vs. Тв.»?

Распределение падежных форм существительного в предикативной функции в русском языке постепенно менялось в течение веков. В настоящее время творительный падеж является преобладающей формой во всех контекстах, кроме конструкций без связки или со связкой *быть* в настоящем времени, где обязателен именительный. В остальных случаях конкуренция между этими падежами возможна, но она семантически и прагматически мотивирована. Менее частотный именительный сигнализирует о том, что говорящий рассматривает признак, приписываемый субъекту-подлежащему, как доминирующий и выделяет его среди других, потенциально возможных признаков.

Интересно, что подобное явление наблюдается в той же области в польском языке, где употребление именительного падежа в определенных контекстах вносит в высказывание целую гамму семантических оттенков, чуждых нейтральному творительному.

1. Исторические исследования именных форм в функции сказуемого в современном русском языке позволяют наблюдать непрерывное развитие языка в данной области на протяжении веков. Нам кажется очевидным, что для прилагательного эта эволюция еще не закончилась, о чем свидетельствуют колебания в употреблении форм, отмечаемые многими исследователями. В связи с этим, чисто синхронное описание функционирования форм прилагательного в функции именного сказуемого представляется неэффективным. В работе [Guiraud-Weber 1993] мы предлагаем альтернативное «бисинхронное» описание, которое кажется нам более адекватным.

Проблема существительного в функции именного сказуемого более проста, хотя бы потому, что, в отличие от прилагательного, располагающего тремя формами (краткая форма, именительный и творительный падежи), выбор форм существительного ограничен двумя (именительный и творительный падежи). При этом все исследования показывают, что творительный является в этой функции значительно более частотным. Именительный падеж остается единственно возможной формой только в конструкции с глаголом *быть* в настоящем времени. Следует ли тем самым считать употребление именительного в других контекстах лишь следом предыдущего состояния языка, не имеющим собственной семантической нагрузки? Или же можно по-прежнему говорить о семантическом противопоставлении падежей и приписывать каждому из них определенное значение?

Известно, что исторически распределение падежей сильно отличалось от того, которое мы наблюдаем в современном языке. В текстах, датируемых до XV века, именительный падеж был наиболее регулярной формой, тогда как творительный падеж мог употребляться только в некоторых определенных случаях, в частности, при указании профессии или титула. Но в них уже обозначается тенденция, которая будет усиливаться в дальнейшем: именительный заменяется творительным во всех случаях, когда связкой не является глагол *быть*. В наиболее древнюю эпоху творительный падеж встречается с глаголами *учинитися* или *творитися*. В дальнейшем другие глаголы-связки начинают все чаще употребляться с этим падежом. Историки языка отмечают зависимость выбора формы имени от типа связочного глагола: «чем конкретнее значе-

ние выполняющую функцию глагола, тем легче именительный падеж, как падеж номинации, уступает место творительному падежу, как падежу объекта» [Виноградов, Шведова 1964: 63].

В XVIII в. этот процесс ускоряется, и творительный падеж проникает во все стили, затрагивает существительные с абстрактным значением и все чаще употребляется в предложениях в будущем времени или в императиве. Семантическое противопоставление, в соответствии с которым имя в именительном падеже обозначало постоянное состояние субъекта, а имя в творительном падеже его временное состояние, ослабло, что еще более расширило возможности творительного падежа. В последующую эпоху он все более вытесняет именительный падеж. Детальное описание этой эволюции предложено в работе [Виноградов, Шведова 1964].

В современном языке творительный падеж оказывается преобладающей формой имени в функции сказуемого во всех случаях, кроме конструкций со связкой *быть* в настоящем времени, независимо от того, выражена ли она материально (форма *есть*) или ей соответствует нулевая форма, ср.:

Бог есть любовь (Л.Н. Толстой);
Жена есть жена;
Наш сосед – чужак.

Кроме того, именительный падеж употребляется также в предложениях, в которых отсутствие всякой глагольной формы не связано, по-видимому, с дефектностью парадигмы глагола *быть*. Речь идет о предложениях с обобщенным значением, не относящихся ни к какому конкретному временному плану:

Повторение – мать учения;
Время – деньги.

Это предложения без временной парадигмы, часто рассматриваемые как разновидность высказываний типа *Брат студент, Она красавица*, в которых, однако, отсутствие связки явно указывает на настоящее время (ср. *Брат был студентом* и т.п.). В работе [Гиро-Вебер 1976] мы показали, что предложения без временной парадигмы в русском языке восходят к древней индоевропейской модели, засвидетельствованной в древнегреческом и в латыни (ср. лат. *Omnis homo mortalis*) и описанных Э. Бенвенистом [Benveniste 1950]. Во всяком случае эти предложения не возникли вследствие эволюции парадигмы глагола *быть* на русской почве.

Единственным исключением остаются некоторые слова, такие как *вина, порука, причина*, традиционно употребляемые в творительном падеже [Johannet 1961]. Отметим также фразеологические, вполне периферийные употребления творительного в предложениях без связки (их подробное описание предложено в [Mrázek 1964: 234–237]).

Однако именительный падеж продолжает употребляться в современном языке и в других контекстах, главным образом, с глаголом *быть* в прошедшем времени.

Такое положение дел ставит исследователя перед необходимостью принять одно из трех следующих решений:

- 1) Пренебречь употреблением именительного падежа в случаях, когда речь не идет об имени, вводимом связкой *быть* в настоящем времени. Такой подход, к сожалению, слишком упрощает картину, но является максимально экономичным и может использоваться в схематических описаниях педагогического характера, предназначенных, например, для изучающих русский язык как иностранный на начальном курсе.
- 2) Продолжать объяснять распределение двух форм старым семантическим противопоставлением. Такое решение было принято в грамматиках XIX – начала XX в. Однако оно кажется неприемлемым в современных описаниях, поскольку оказывается неприменимым в слишком большом числе случаев. Тем не менее, именно

такое решение было выбрано авторами академической Грамматики русского языка 1960-го года [Грамматика 1960, II, 1: 425].

- 3) Выявить все параметры, определяющие область эксклюзивного употребления каждой из форм, с тем, чтобы определить ту область, в которой эти формы конкурируют. Только такой подход может позволить найти действительно синхронное семантическое объяснение распределения двух форм, если такое объяснение вообще окажется возможным.

В данной работе мы хотим предложить решение поставленной проблемы в рамках этого последнего подхода, опираясь на собранные нами примеры и учитывая результаты, полученные другими исследователями в работах последних лет¹.

2. В настоящее время можно уверенно говорить о том, что творительный падеж является единственной нормальной (стилистически немаркированной) формой, при любом связочном глаголе, кроме глагола *быть*. А именно он употребляется с такими типичными связками, как *являться, стать, оказаться, казаться, делаться, выглядеть* и т.д., а также с полнозначными глаголами, которые лишь в отдельных случаях функционируют как связки, такими как *жить, расти, умереть, гибнуть, остаться, пойти, выйти, вернуться, расстаться, разойтись* и другие. Эти связки могут выступать в любой временной или модальной форме:

...если бы я стал писателем, то во всю копался бы в человеческой душе...(Берберова);
Наши дети оказались «чужаками» (Огонек. 20–21, 1992);
...я чувствовал себя посланцем богов (Сахаров);
Сверху они казались детьми (Косвин);
Я и остался в душе демократом, только мне не за кого голосовать (МН. 10.10.1993);
Мы не хотим выглядеть мелкими жуликами (МН. 19.04.1992);
Пусть растет, как все, советским человеком (Грекова);
Оказывается, евреями не рождаются (Косвин);
Из церкви Мухин вышел новым человеком (ЛГ. 22.08.1990).

Еще в прошлом веке с подобного рода связочными глаголами возможно было употребление существительного в именительном падеже, о чем свидетельствуют следующие примеры, приводимые А.А. Шахматовым в Синтаксисе русского языка [Шахматов 1941: 217]:

Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! (Гоголь. Ревизор);
Услышав себя кричащим, он сделался дикий зверь (Герцен. Былое и думы).

3. Когда связкой является глагол *быть*, творительный падеж употребляется практически автоматически со всеми формами этого глагола, кроме настоящего и прошедшего времени. В частности, именительный падеж кажется совершенно неприемлемым при связке *быть* в инфинитиве, императиве или в форме деепричастия:

Надо же быть реалистом! (Антонов);
Не будьте провинциалочкой (Берберова);
Пусть будет премьером (ЛГ. 13.05.1992);
Будучи новорожденной нацией, мы не разбирались в мировой политике (ЛГ. 04.03.92).

¹ Корпус обследованных текстов включает 30 номеров различных периодических изданий, вышедших между 1989 и 1993 гг. (Московские новости [МН]; Огонек; Литературная газета [ЛГ]; Аргументы и факты [АиФ]; Известия), а также следующие произведения: Д.А. Антонов. Агенты и перестройка; Нина Берберова. Облегчение участи (7 рассказов); Борис Косвин. Ассимилянты; Владимир Маканин. Голоса; Андрей Сахаров. Воспоминания. Использовались также отдельные примеры из других авторов (Грекова, Николаева).

3.1. В настоящее время вероятность употребления именительного падежа практически крайне низка в контексте подлежащих определенного типа. Это касается прежде всего тех случаев, когда подлежащим является инфинитив или целое предложение и, шире, любое неодушевленное существительное (разумеется, в именных предложениях с ненулевой связкой *быть*):

...было бы неосторожностью успокоиться на том лишь предположении... (ЛГ. 13.05.1992);
Значит, для Шолохова не было секретом, что его письмо приобщено к судебному делу (ЛГ. 24.04.1992);
Но это будет грубой ошибкой (АиФ.1, 1992);
Участок был одним из основных источников существования семьи (Сахаров).

Признак одушевленный/неодушевленный рассматривается как один из основных критериев выбора формы существительного в функции сказуемого Г. Хентшелем [Hentschel 1991: 228].

3.2. Творительный падеж оказывается квази-обязательным также в случаях, когда глагол *быть* находится под отрицанием. В нашем корпусе примеров, собранном исключительно из текстов XX-го века (три четверти которых носят журналистический характер), все примеры такого рода содержат существительное в творительном падеже:

Я не был комсомольцем (Сахаров);
Но Ленин не был утопистом (Антонов);
Я никогда не был поклонником Съезда народных депутатов (МН. 10.10.1993).

Существенно, что все информанты, которые признали в равной степени приемлемыми предложения *Он был русский* и *Он был русским*, предпочли отрицательное предложение с творительным падежом: *Он не был русским*.

В целом, можно констатировать, что творительный падеж существительного в функции именного сказуемого с глаголом *быть* в прошедшем времени возможен всегда (его, в частности, никогда не отвергают информанты), тогда как для именительного падежа это неверно.

4. Таким образом, мы определили область конкуренции двух падежей: это предложения с глаголом *быть* в прошедшем времени (и, значительно реже, в будущем времени и в сослагательном наклонении), в которых глагол *быть* не находится под отрицанием и в которых подлежащим является одушевленное существительное. Среди примеров, соответствующих этим критериям, только 20% содержат имя в именительном падеже.

В настоящее время распределение именительного и творительного падежей более не зависит от постоянного или временного характера признака, приписываемого субъекту данным существительным. Действительно, если бы это противопоставление еще имело силу, именительный падеж оказался бы под запретом в случаях, когда предложение содержит эксплицитное указание на временное ограничение, ср.:

...помните, какой я тогда был энергичный, полный мальчик? (Берберова).

С другой стороны, творительный падеж не мог бы употребляться для выражения отношений по определению постоянных, к которым относятся:

– отношения родства:

Он был сыном прогоревшего торговца... (Антонов);
...она была внучкой известного композитора (Берберова).

– постоянный физический недостаток:

Он был калекой почти с самого рождения (ЛГ. 13.05.1992).

...их дети были уже американцами... (ЛГ. 04.03.1992);

Был он коренным русским, угренским человеком (Николаева).

Г. Хентшель приходит к тем же выводам, опираясь на корпус более обширный, чем тот, которым мы располагаем, и включающий также примеры из разговорного языка. Анализируя применимость противопоставления временный/постоянный признак к описанию выбора формы существительного в функции сказуемого, он рассматривает, в частности, существительные, обозначающие:

- 1) профессии и различные временные должности;
- 2) черты характера;
- 3) религиозную или политическую принадлежность;
- 4) социальный статус;
- 5) отношения родства;
- 6) возрастные характеристики человека (*подросток, старик* и т.д.).

В заключение Хентшель констатирует, что данное противопоставление не может быть признано фактором, влияющим на выбор падежа существительного-сказуемого [Hentschel 1991: 225–226].

5. Соображения, высказанные нами выше, позволяют прийти к выводу, что творительный падеж является в настоящее время нейтральной, немаркированной формой существительного в именном предложении в прошедшем времени. В качестве таковой данная форма не требует никакого объяснения. Напротив, употребление гораздо более редкого именительного падежа нуждается в комментариях.

Заметим, что этот вывод, который сейчас кажется логичным и естественным, находится в полном противоречии с мнениями, высказывавшимися специалистами в 50-х и 60-х гг. Конечно, в те годы русисты строили свои рассуждения прежде всего на материалах литературного языка XIX в. Так, например, Р. Мразек, автор монографии, посвященной синтаксису творительного падежа в русском языке, полагает, что в корреляции именительный/творительный творительный падеж является маркированным членом бинарной привативной оппозиции, который подчеркивает результат, достигнутый субъектом, в том время как именительный падеж признается нейтральным, немаркированным членом семантической оппозиции [Mrázek 1964: 234]. Напомним также позицию Грамматики 1960, в которой противопоставление постоянный/временный признак оказывается центральным для объяснения семантического распределения падежных форм в рассматриваемом контексте [Грамматика 1960, II, 1: 414–433]. Эта академическая грамматика воспроизводит в сущности анализ языковедов XIX в., известный, в частности, по капитальному и многократно переиздававшемуся труду А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», первая публикация которого восходит к 1914 г. [Пешковский 1956: 234].

Отметим, наконец, что последняя академическая грамматика отказывается от рассмотрения данной проблемы, ограничиваясь замечанием о замене формы именительного творительным падежом [Грамматика 1980, II: 282–289].

5.1. Наш комментарий не обязательно окажется семантическим. Можно, с одной стороны, объяснять употребление именительного падежа существительного-сказуемого с глаголом *быть* в прошедшем и, в ряде случаев, в будущем времени и сослагательном наклонении принципом аналогии с соответствующими предложениями в настоящем времени. С другой стороны, можно рассматривать именительный падеж как след предыдущего состояния языка. Эти два фактора, действующие совокупно, противостоят силе, толкающей язык в направлении нормализации и унификации, т.е. к окончательному закреплению за одной и той же функцией одного и того же – творительного падежа. Такое объяснение кажется логичным и, по-видимому, соответствует эволюции русского языка. Оно согласуется также с выводами Г. Хентшеля, для которого противо-

поставление именительный/творительный не связано с семантикой лексем, но затрагивает саму структуру синтаксических функций. Действительно, именительный падеж – это прежде всего падеж подлежащего, и его закрепление за другой синтаксической функцией создает морфологическую омонимию. Если же существительное-сказуемое стоит в творительном падеже, омонимия устраняется. Творительный, тем самым, оказывается «более ясным сигналом» сказуемостной функции существительного [Hentschel 1991: 230–234]. Отметим, что в данном случае Г. Хентшель по-новому формулирует анализ, предложенный ранее Р. Мразеком в других терминах².

Эта аргументация представляется совершенно правильной, и мы ставим себе целью не опровергнуть, а лишь дополнить этот анализ. А именно, мы полагаем возможным не отказываться полностью от семантической (или прагматической) интерпретации оппозиции именительный/творительный. Несмотря на то, что, в соответствии с утверждением Г. Хентшеля, творительный представляет собой на сегодняшний день «идеальную» форму для именного сказуемого-существительного, приходится признать, что творительный падеж до сих пор не вытеснил окончательно именительный. Тем самым, существуют какие-то внешние или внутренние причины, поддерживающие именительный падеж в данной функции. Помимо внешних причин, уже упомянутых выше (аналогия с предложениями в настоящем времени и влияние предыдущего языкового состояния), можно предположить наличие и внутрисистемных причин. Действительно, ничто не мешает тому, чтобы знак, имевший некоторое значение в исчезнувшей системе, был бы переосмыслен в рамках новой системы. В данном случае, мы имеем в виду возникновение нового значения именительного падежа, которое актуализируется только в узкой области его конкуренции с творительным, области, отграниченной нами выше.

Мы не будем пытаться выводить это значение из семантики лексем, выступающих в функции сказуемого. Подобного рода попытки уже предпринимались и не привели к надежному результату³. Это значение не выводится также ни из структуры, ни из стиля предложения. Оно скорее принадлежит к области намерений говорящего и характеризует отношение последнего к признаку, приписываемому субъекту, а именно: именительный падеж сигнализирует о том, что говорящий рассматривает данную характеристику как **доминирующую, обобщенно определяющую** субъекта. Именно поэтому именительный падеж очень частотен в предложениях, приближающихся по форме к дефинициям: *Петя был хороший мальчик; Он был настоящий художник; Она была прекрасный врач* и т.п. Все предложения с номинативом существительного в функции сказуемого могут быть проинтерпретированы подобным образом.

В наш корпус входит, в частности, сплошная выборка примеров из воспоминаний Андрея Сахарова, первая часть которых содержит портреты членов семьи автора, а также его друзей и товарищей по учебе и работе. Каждый раз, когда Сахаров ограничивается краткой характеристикой персонажа, он использует сказуемое в именительном падеже:

...он был, кажется, обрусевший немец (Сахаров);

Был он великолепный рисовальщик и рассказчик – с юмором, выдумкой, мистификациями (Сахаров);

Но и вообще он был талантливый человек, любая работа горела у него в руках, и при этом – широкий, обаятельный, душевный (Сахаров);

Перельман был большой энтузиаст научной популяризации (Сахаров);

Сын Цингера – Олег – был художник (Сахаров).

² Р. Мразек замечает, что развитие употребления творительного падежа в ущерб именительного обусловлено потребностями коммуникации: «Потребность такой формальной замечены в ряде контекстов диктовалась и стремлением к повышению коммуникативной четкости» [Mrázek 1964: 211].

³ Мы имеем в виду в первую очередь работы Д. Николс [Nichols 1981; 1985]. Тенденция к бесконечному перечислению вариантов употреблений характеризует также другие работы и не способствует разрешению поставленной нами проблемы.

Напротив, близкие автора, о которых он рассказывает долго и обстоятельно, никогда не характеризуются существительным в именительном падеже:

Моя мама была верующей (Сахаров);

Мои родители просто были людьми русской культуры (Сахаров);

Отец Олега был профессором математики в Московском университете, преподавал на математических факультетах (Сахаров).

Любопытно также, что, по наблюдению одного из наших информантов, именительный падеж существительного-сказуемого является наиболее уместной формой в надгробных речах.

Как было уже отмечено, конкуренции именительный/творительный были посвящены работы [Nichols 1981; 1985]. Д. Николс отмечает, что номинатив употребляется:

– если сказуемое выражает качество субъекта; речь идет о существительных *дурак, добряк, умница, старик, красавица, весельчак* и т.п.;

– если сказуемое выражено существительным с обобщенным значением (сопровождаемым определением): *человек, мужчина, девушка* и т.п.;

– если сказуемому соответствует название национальности: *американец, американка, китаец, китаянка* и т.п. [Nichols 1985: 359–360].

Как легко заметить, существительные, перечисленные Д. Николс, хорошо приспособлены для формулирования общих дефиниций и для выражения характеристик, которые говорящий рассматривает как доминирующие.

6. Гипотеза, которую мы сформулировали выше, имеет то преимущество, что она не приписывает именительному падежу значение, вступающее в полное противоречие с его более древним значением: сдвиг значения от «постоянного признака» к «доминирующему признаку» тем более легко допустить, что оба значения совместимы друг с другом и относительно близки. Эта гипотеза, по нашему мнению, подтверждается следующими фактами:

- 1) Доминирующий признак должен мыслиться позитивно, т.е. им не может быть отсутствие признака. Существенно с этой точки зрения, что в отрицательном предложении существительное в роли именного сказуемого не может выступать в именительном падеже (см. выше пункт 3.2).
- 2) Различие между доминирующим и прочими признаками имеет смысл в суждениях, мнениях и спорах, касающихся лиц. Существительное в именительном падеже всегда характеризует лицо.
- 3) Доминирующий признак человека не может быть сформулирован в неизменных и объективных терминах: каждый индивидуум отличен от всех других и суждение о нем может содержать тот или иной признак в соответствии с представлениями говорящего. Именно поэтому невозможно утверждать, что существует связь между лексическим значением существительного и падежом, в котором оно выступает, выполняя функцию сказуемого. Невозможно также и составить список качеств и свойств, которые регулярно выражаются тем или другим падежом. Попытки составить список лексем, которые с большей вероятностью употребляются в именительном падеже (существительные с качественным значением, названия национальностей и т.п.) или, наоборот, в творительном падеже (названия профессий, социального статуса, должности, термины родства), не привели к удовлетворительным результатам: в каждом конкретном случае количество контрпримеров столь велико, что говорить о каком-либо правиле оказывается невозможно. Дело на самом деле в том, что любой признак может быть выделен как доминантный, но, по экстралингвистическим причинам, некоторые признаки выступают в качестве таковых чаще, чем другие.
- 4) На чисто грамматическом уровне только именительный падеж имплицитно выражает отношения тождества между именным сказуемым и подлежащим, также стоящим в

именительном падеже. Творительный падеж может выражать только отношения включения (см. [Veysen 1971: 137–138]). Именно поэтому именительный падеж оказывается более подходящей формой для выражения доминирующего признака, способного кратко, но исчерпывающе охарактеризовать человека.

- 5) Обобщенная характеристика как языковой прием не может использоваться слишком часто, иначе она утратит свою силу. Существенно с этой точки зрения, что использование именительного падежа в рассматриваемых контекстах значительно реже, чем творительного.
- 6) Выдвигаемая нами гипотеза согласуется с интуицией информантов, которые единогласно признают большую экспрессивность именительного падежа. Все они полагают, что предложение *Пушкин был великий русский поэт* в большей степени подчеркивает значимость Пушкина как поэта, чем предложение *Пушкин был великим русским поэтом*.

Мы полагаем, таким образом, что в настоящее время можно говорить о семантическом противопоставлении именительный/творительный падеж существительного в роли сказуемого только в тех случаях, когда эти падежи находятся в конкуренции, то есть, главным образом, в прошедшем времени.

Сейчас, когда проблематика значения языковых знаков снова выходит на передний план под самыми различными наименованиями (семантика, прагматика, герменевтика, производство значения, интерактивность, когнитивные науки...), нам показалось интересным обратить внимание на явление переосмысления старой формальной оппозиции в рамках новой системы, сложившейся в современном русском языке.

7. Заканчивая, хочется напомнить, что конкуренция именительный/творительный предикативного существительного наблюдается также в польском языке. Поскольку в польском (как и в других западнославянских языках) парадигма глагола *быть* в настоящем времени сохранилась, эта конкуренция возможна и в настоящем времени. В современном польском творительный падеж в этой функции явно преобладает: польские грамматикологи считают этот падеж немаркированной формой выражения именного сказуемого⁴. Именительный используется в нейтральной речи лишь для имен собственных:

Jestem Kowalski ('Я Ковальский');
Jestem Maria Nowak ('Я Мария Новак').

Тем не менее, специалисты отмечают употребление именительного в эмоциональной речи, особенно в контекстах ругательств и брани:

Jesteś idiota! ('Ты дурак!');
Pan jest złodziej! ('Вы вор!') (ср. [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1986: 325–329]).

Семантическая разница в употреблении обоих падежей встречает несколько другой комментарий у польского стилиста Е. Бральчика, автора известных сборников, в которых с особой тонкостью анализируются типичные для польской культуры выражения⁵. Рассматривая фразы, в которых субъектом является сам говорящий, типа *Jestem kobieta pracująca* ('Я женщина работающая'), Бральчик отмечает, что употребление именительного падежа вместо ожидаемого нейтрального творительного звучит подчеркнуто и подчас хвастливо и – как добавляет автор с юмором – может быть понято как свидетельство чувства неполноценности говорящего, который желает, таким образом, придать себе важности, особенно если имя обозначает престижную профессию или должность [Bralczyk 2005: 101–103]. Таким образом и в польском языке именительный вно-

⁴ Если это существительное. Для прилагательного, наоборот, именительный является немаркированной формой.

⁵ Речь идет о книге [Bralczyk 2005].

сит в высказывание целую гамму семантических оттенков, чуждых нейтральному творительному, что подчеркивает вес предлагаемой характеристики. Конкретная интерпретация таких предложений зависит от типа подлежащего (им может быть или сам говорящий, или его собеседник, или третье лицо), от типа предикативного имени и, конечно, от эмоциональной окраски высказывания. Тем не менее и здесь заметна стратегия говорящего, отмеченная нами в русском языке: максимально подчеркнуть признак, приписываемый субъекту, выделить его среди других, потенциально возможных признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов, Шведова 1964 – В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). Изменения в соотношении именительного и творительного предикативного // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и сложного предложения. М., 1964.
- Грамматика 1960 – Грамматика русского литературного языка. Т. II. 1. М., 1960.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Пешковский 1956 – А.П. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Шахматов 1941 – А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Benveniste 1950 – E. Benveniste. La phrase nominale // BSZP. 1950. V. 46. № 1.
- Bralczyk 2005 – J. Bralczyk. Leksykon nowych zdań polskich. Warszawa, 2005.
- Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1986 – D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz. Kultura języka polskiego. Warszawa, 1986.
- Guiraud-Weber 1976 – M. Guiraud-Weber. La copule: forme et fonction en russe moderne // Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique. 8 (III). 1976.
- Guiraud-Weber 1993 – M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // RÉSl. 1993. T. LXV. № 1.
- Hentschel 1991 – G. Hentschel. Der prädikative Instrumental beim russischen Substantiv als redundantes Signal in Kopulasätzen // M. Grochowski, D. Weiss (eds.). Words are physicians for an ailing mind. München, 1991.
- Johannet 1961 – J. Johannet. L'instrumental attribut après *est* et *sur*: histoire d'une construction // RÉSl. 1961. T. XXXVIII.
- Mrázek 1964 – R. Mrázek. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964.
- Nichols 1981 – J. Nichols. Predicate nominals: a partial surface syntax of Russian? Berkeley; Los Angeles, 1981.
- Nichols 1985 – J. Nichols. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.
- Veyrenc 1971 – J. Veyrenc. Синтаксический анализ творительного падежа // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.